

Книги Григория Шаргородского
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**УБИВЕЦ МАГОВ. КАЛИБР 9 ММ
УБИВЕЦ МАГОВ. ВОЙНА НЕЛЮДЕЙ**

**ЗАБЛУДШАЯ ДУША. ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ
ЗАБЛУДШАЯ ДУША. ДИВЕРСАНТ
ЗАБЛУДШАЯ ДУША. ДЕМОНОЛОГ**

**УКРОТИТЕЛЬ. ПОВОДЫРЬ ЧУДОВИЩ
УКРОТИТЕЛЬ. ЗАЩИТНИК МОНСТРОВ
УКРОТИТЕЛЬ. ИСТРЕБИТЕЛЬ ТВАРЕЙ**

**ЧУДАК. НЕПРАВИЛЬНЫЙ ВОР
ЧУДАК. ИСКАТЕЛЬ НЕПРИЯТНОСТЕЙ**

**ДИКИЙ ЛЕГИОН
ПРОТИВОДРАКОНЫЯ ЭСКАДРИЛЯ**

**ВИДОК. ЧУЖАЯ БОЛЬ
ВИДОК. ЧУЖАЯ МЕСТЬ
ВИДОК. НЕЖИВАЯ ЛЕГЕНДА
ВИДОК. ЦЕНА ЖИЗНИ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ГРИГОРИЙ ШАРГОРОДСКИЙ

ВИДОК.
ЦЕНА ЖИЗНИ

РОМАН

Москва, 2019
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш25

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1178

Художник
И. Воронин

Шаргородский Г. К.

Ш25 Видок. Цена жизни: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 281 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2947-9

Топинский видок, титулярный советник Игнат Силаев, уже привык к тому, что больше всего неприятностей стоит ждать: от живущих в Стылой Топи тварей, неуравновешенных духов, ну или в крайнем случае от добытчиков-шатунов. Так что наезд столичных чиновников, решивших перекроить власть в городе, он воспринял не особо серьезно. И совершенно напрасно, ведь нет более коварной и кровожадной твари, чем человек, и, чтобы совладать с неумейной жадой власти и денег этого существа, порой приходится призывать в помощники нелюдей и нечисть.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Шаргородский Г. К., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2947-9

ПРОЛОГ

Охота — это страсть, утолить которую под силу только хищнику. И не так уж важно, ходит он на четырех лапах или мчится за своей жертвой на своих двоих. Со временем люди научились трансформировать этот порыв в нечто иное. Кто-то занимается спортом, а кто-то потрошит бизнесы своих конкурентов даже не ради денег, а чтобы удовлетворить внутреннего зверя. Но все равно ничто не может сравниться с упоением момента, когда по твоей воле чужая жизнь буквально по капле вытекает из тела обреченной жертвы.

Раньше для него подобные удовольствия были недоступны. Раньше он знал лишь насмешки и пренебрежение. Сколько брезгливости было во взглядах проходящих мимо женщин и презрения на лицах мужчин! Но с того момента, когда Господин избрал его, прошлая жизнь закончилась. И пришло новое бытие, наполненное силой и могуществом.

Куда подевалась вся надменность и наглость этого уверенного в своей силе бугая? Именно такие уроды с раннего детства унижали будущего охотника, так что возмездие было вполне заслуженным. Сейчас за бегущей впереди жертвой буквально стелился шлейф животного ужаса, такого упоительного и сладкого для преследователя.

Конечно, можно было опустошить наглого бандита, как только охотник спрыгнул с крыши на плечи своей жертвы, но тогда все закончилось бы слишком быстро. И все же погоня не могла длиться вечно. Хромавший на поврежденную левую ногу здоровяк сумел вырваться из Сточного переуллка и оказаться на Глен-стрит. Эта улица не сильно отличалась от Сточного и также была частью трущоб Английского квартала, но там уже иногда попадались жандармские патрули. В отличие

от трусливых полицейских, им хватало наглости соваться в подобные места.

Охотник не боялся встречи с жандармами. При необходимости он сумеет уйти даже от усиленного патруля, особенно когда напитается силой пышущего здоровьем бугая. Но Господин строго-настрого запретил влезать в подобные авантюры. Все должно быть тихо и максимально эффективно.

За двадцать метров до перекрестка взбодрившаяся жертва даже ускорила шаг, но вырваться на скудно освещенную мостовую Глен-стрит ей было не суждено.

Красавец-здоровяк, как говорится, косая сажень в плечах, который не боялся выполнять задания своего атамана даже в самых мрачных закоулках Новой Москвы, взвизгнул как истеричная девица, когда вновь ощутил на плечах тяжесть преследователя. Его шею обожгло болью, а затем он почувствовал, как силы стремительно покидают тело вместе с самой жизнью.

Через секунду все было кончено. Урчащая от удовольствия субтильная фигура оторвалась от сильно похудевшего трупа и выгнулась дугой, хрустя костями в попытке совладать с переполнявшим тело могуществом.

Никто не сможет противостоять ему! Он ощущал себя подобным древним богам.

Именно в такие моменты вселенная любит сдергивать мечтателей с их пьедестала, который мгновенно превращается всего лишь в высокий петушиный насест.

В стену над головой охотника ударили пули, посылая его кирпичной крошкой. Судя по интенсивности стрельбы, нападавших было как минимум пятеро. Азартные выкрики стаи городских хищников напомнили охотнику, что не все в этом мире вечно, и роли в кровавой игре порой могут очень быстро поменяться.

Много шума. Слишком много. Он все еще мог устроить здесь кровавую баню, но это если удастся сократить дистанцию с противником, а идти навстречу свинцовой метели...

Казалось бы, уже давно умерший детский страх вновь вырвался наружу, заставив охотника подобно коту взлететь по

стене на крышу дома и помчаться по трещавшей черепице прочь от опасности. Уже на бегу, проклиная себя и своих врагов, он ужаснулся еще больше. Господин не раз и не два напоминал, что нельзя оставлять после себя целые тела, но возвращаться уже поздно.

Осталось надеяться на то, что городские власти не обратят внимания на странный труп бандита в грязных трущобах, а Господин никогда не узнает об оплошности своего слуги.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Всем была бы хороша прохлада летнего утра, если бы она закономерно не превращалась в полуденный зной. Так что, вопреки моим желаниям, основные дела приходилось переносить на первую часть дня, а это означает так нелюбимый мною ранний подъем. С раннего утра я успел провести тренировку с Осипкой, в который раз радуясь, что у меня есть ученик. После того как наша команда лишилась Евсея, возникла серьезная угроза, что моя лень победит инстинкт самосохранения, но, гоняя Чижа, мне и самому удавалось держать себя в форме. И все же без веселого и наглого оборотня было как-то тоскливо.

После тренировки я отзвонился в управу, где мне сообщили, что ночь прошла без происшествий, и это не могло не радовать. Экстрима в моей жизни и так предостаточно, поэтому мирные деньки воспринимались как подарок.

Сейчас в доме было пусто. Чиж убежал к друзьям. Мой оружейник-автомеханик что-то ковырял в своей каморке. Левые заказы по ремонту оружия для него были скорее хобби, чем необходимостью, ибо получаемой у меня зарплаты одного ветерану хватало с избытком. Ну а Леонард Силыч спал на лавке, как он это обычно делает, когда не гоняется за окрестными кошками.

Вот и весь список моих домочадцев, это если не считать домового и обитателя недавно поставленной бани на заднем дворе. Живший в конюшне рядом с паромобилем жеребец Орлик уже месяц как убыл в станицу на Дон, к своему хозяину.

В бывшей пожарной каланче было тихо. Даже Кузьмич от жары забился куда-то в щель, несмотря на то что он всего лишь свободный энергент — в простонародье дух.

После душа и завтрака я занялся корреспонденцией. Ее было немного. Отчеты от моего компаньона — главного ин-

женера компании «Механикусы» Бориса Олеговича Хвата, в кругу друзей просто Бори — дополняли свежие газеты. «Топинский вестник» вызвал легкую улыбку рассказом о скандале в доме купца Подушкина, коий вернулся из поездки в Красноярск и, как выразился журналист, «обнаружил в шкафу нежданного гостя, силившегося выдать себя за домового духа». Уверения «домового» и вторившей ему супруги купца Подушкина не убедили. В итоге оба прелюбодея были биты вожжами и гоняемы по улице в непотребном виде на глазах всей честной публики.

Казалось бы, история интересна только своей комичностью, но для меня она примечательна немного в другом плане. В газетных статьях, книгах, да и просто в разговорах местные жители без всяких проблем поминали домовых, леших и русалок, но только в качестве мифических, несуществующих персонажей. Это было довольно странно, особенно для Топинска. Именно здесь концентрация свободных энергентов настолько высока, что буквально каждый из топинцев хоть раз в жизни имел дело с духами, а то и вовсе с упырями да русалками-умертвиями. И при этом все усиленно делают вид, что их не существует. Уверен, напиши этот журналист серьезную статью о домовых — сразу попал бы на душевный разговор к кому-то из священников.

Нет, никто не потащит строптивца на дыбу или костер, но к нему зашел бы очень добрый и общительный монах на предмет проведения выездной сессии экспресс-исповеди.

Общался я тут с одним таким, до сих пор от воспоминаний в дрожь бросает.

Отложив местную газету, я взялся за источник столичных новостей, проделавший немалый путь до нашего захолустья.

«Московские ведомости» недельной давности вызвали во мне противоречивые чувства. В большой статье в красках описывался успех нового синемаспектакля «Роман и Джулия». От такого названия фильма меня слегка покорило.

Зря я пустил это дело на самотек.

Но, судя по уверениям корреспондента газеты, мой скепсис был несправедлив — премьера фильма прошла с оглушительным успехом, и сейчас ставший очень известным синемаантрепренер Давид Аронович Бронштейн готовил показы картины практически во всех столицах Европы.

Фотография известного кинопродюсера вызвала у меня еще одну гримасу.

Ну, и как мне теперь смотреть в глаза Арону Моисеевичу и Циле Марковне? Похоже, Дава все же не осилил испытания медными трубами. С черно-белой, не совсем четкой газетной фотографии на меня смотрел эдакий сутенер из Гарлема. В плане стилистики мой неправильный еврейский друг почти угадал — широкополая шляпа, наброшенный на плечи плащ и покоящиеся на набалдашнике трости пальцы в массивных перстнях. Не хватало только толстенной золотой цепи на шее да медальона размером с тарелку.

Ну и что мне с ним делать? Похоже, ничего, так как до Москвы далеко, а кроме разнузданности в одежде упрекнуть моего друга и делового партнера особо и не в чем. Судя по полученному месяц назад отчету и вот этой статье, дела киноконцерна «Верона» идут очень неплохо. В том послании Дава предупреждал, что из-за стремительного расширения сети кинотеатров выплата дивидендов начнется не раньше чем через год, но при этом сразу пойдут серьезные суммы.

Сложив газету, я потянулся за стаканом с холодным чаем.

Как же утомила эта жара! Вроде живем в самой что ни на есть Сибири — до вечной мерзлоты доплунуть можно, а жарыща такая, будто мы прибыли на черноморский курорт. Еще утром было вполне неплохо, но целеустремленно взбирающееся на небосвод солнышко явно от усталости и раздражения становилось все злее.

Уже третий день ловлю себя на мысли, что сглупил, когда не приобрел в Омске прохладительный артефакт. Штука дорогущая, привезенная аж из Новгорода, но мне вполне по карману. И все же какое-то внутреннее жлобство не дало потратить целых тысячу триста рублей на очень полезную штуку.

Или не очень? Что-то мне подсказывало, что если закажу артефакт с доставкой, то до меня он доберется аккуратно к моменту, когда жара уйдет из Топинска аж до следующего года.

Взвешивать все «за» и «против» было лень, особенно по такой жаре.

Вот кому плевать на все природные казусы — так это ребята. В низинке прямо посреди Болотного конца после до-

ждя образовался больше похожий на лужу прудик. Там сейчас и плещется мой воспитанник Осипка по прозвищу Чиж.

С другой стороны, мне-то что мешает последовать его примеру? Нет, в эту мутную лужу я, конечно, не полезу, но есть другой вариант. Прохладный душ, конечно, тоже спасал положение, но хотелось вырваться из душного города на природу, к водной глади, понырять, поплавать.

А почему бы и нет? Даже знаю, как сделать этот процесс еще приятнее.

Приняв решение, я тут же стряхнул усталую негу и начал собираться. Никого из домочадцев звать с собой не стал. Старый оружейник вряд ли захочет составить мне компанию, да и лишним он будет на этом мероприятии. А что касается Леонарда Силыча, расплывшегося по лавке, словно медуза на прибрежном камне, здоровенного кота сейчас лучше не трогать.

Оделся я максимально легко — просторные брюки, тонкая рубашка с широкими рукавами и жилет. На голову водрузил облегченный вариант фетровой шляпы, которая этой весной вызвала в городе настоящий фурор. Народ разделился на два лагеря — модников и ретроградов, но со временем вторых становилось меньше, чем первых.

Беспокоить бабу Марфу не хотелось, поэтому я попросту заехал в «герра Кюхе» — немецкий трактир, — и там мне быстро организовали лукошко для пикника.

На улице становилось все жарче, так что в приюте ночных бабочек я застал сонное царство. Разморило всех красавиц, включая новую предводительницу ударниц эротического труда.

По причине повышения Глаши мой статус эксклюзивного клиента перешел в разряд любовника-покровителя, но каких-либо изменений я не заметил. Увы, моя попытка сделать из жрицы любви добропорядочную обывательницу прогорела прямо на старте. Ну не захотела девушка корпеть над платьями для топинских модниц, зато жесткой рукой и с явным удовольствием перехватила бразды правления «Русалкой» у прежней бандерши.

— Вставай, красавица, нас ждут великие дела! — бодро заявил я, ворвавшись в будуар девушки.

Она растеклась по кровати не менее плоско, чем Леонард Силыч, и выказывала такое же желание шевелиться.

Пришлось тормошить лежебоку и даже помогать ей собираться.

Легкие платья в этой эпохе легкими только назывались, так что Глаша облачалась с видом мученицы.

— Помнишь, я просил тебя пошить одежду для купания? — спросил я, когда девушка уже собралась и находилась в процессе поиска зонта от солнца.

— То срамное исподнее? Даже не просите, Игнат Дормидонтович, я эту страсть не надену. Лучше уж нагишом по улицам пробежаться.

— Не спорь со мной! — с притворным гневом прикрикнул я.

Она и не стала спорить, впрочем, было видно, что отпиралась больше для виду. Наверняка уже примеряла бикини и жаждет продемонстрировать мне результат своих трудов. Вместе с купальником Глаша пошила плавки и для меня, так что будем проводить парные испытания.

Проехав по городу и усугубив наше распаренное состояние пылью, я вопреки логике направил паромобиль не на запад, к Стылой, а на юг. В последнее время у меня не было ни малейшего желания приближаться ни к Топи, ни к реке, которая из нее вытекала. И уж тем более купаться в этих водах.

Конечно, если того требовала служба, я заставлял себя выйти за северную окраину Топинска, но каждый раз подобные выходы заканчивались нервным перенапряжением. Даже наличие в напарниках очень шустрого и запредельно опасного стригбоя успокоения не приносило. Я подспудно ждал от Топи очередной подлянки.

Так что на пляжный пикник мы ехали к Жемчужным озерам. Там точно нет всей той нечисти, что иногда заплывала в Стылую из Топи. По уверениям шатунов и доктора Вяльпе, разная мутировавшая животность из болот попадала в реку только в виде тушек. Все, что выросло в месте Силы, жить могло только там. По этой же причине в Московском Императорском зверинце нет ни крысюков, ни бобров, мутировавших в страшных бобуров, ни разросшихся до размера лошади волков. Так что река Стылая в пределах Топинска была совершенно безопасна, и хозяйки из Портовой слободы и Мойки без проблем стирали там белье.

Но меня это все равно не успокаивало.

Конечно, имелся еще один вариант. Можно было бы поплескаться и в прудах с энергонасыщенной водой в санатории «Белые дачи», но, увы, мои отношения с хозяйкой этого заведения баронессой Ольгой Филипповной де Шодуар сильно охладели. Вопреки прежним уверениям бездетная вдова все же тяготилась своим положением в обществе, так что начала поиск нового супруга. А нахождение рядом с нею видока, имеющего славу похабника, отморозка и невежи, могло лишь помешать столь важному начинанию.

Ну и пусть, я не в обиде. Вместе мы провели немало приятных дней и ночей. К тому же я попросту не мог ей дать того, что ей было нужно.

Вырвавшись из города, паромобиль весело побегал по едва накатанной в траве и оттого менее пыльной грунтовке. Стало совсем хорошо.

Покосившись на Глафиру, я увидел, что она тоже улыбается. В последнее время девушка сильно изменилась. Из деревенской простушки, которую отец-пропойца буквально продал в публичный дом, она превратилась в уверенную в себе женщину, обладавшую определенными задатками лоска.

Ну ничего, сейчас мы этот лоск сначала сдуюм, а затем еще и смоем.

Мобиль, пыхнув паром, разогнался до солидной скорости. Легкая капризность, которая еще не переросла в стервозность, а также не очень естественная для сельской девушки чопорность слетели с Глаши, как пух с тополя.

Моя подруга раскраснелась и, прикрыв глаза, с удовольствием подставила лицо набегающему ветерку. Небольшая шляпка сползла с ее головы и, сдерживаемая шейной лентой, сейчас трепыхалась за спиной хозяйки, словно силящаяся взлететь птица.

Через десять минут быстрой езды мы подкатили ко второму из озер Жемчужного ожерелья — целой цепи круглых природных водоемов, соединенных неглубокой речкой.

Топинцы не очень-то любили уходить далеко от места своего обитания, так что на берегах озер обычно было пусто, особенно в это время дня. Лишь по утрам сюда приезжали самые увлеченные рыбаки для вылова озерной рыбы, которая не несла в себе следов влияния места Силы.

Места здесь были тихими и безопасными.

Круглое озеро имело в диаметре метров двести. Его окружали заросли орешника с проплешинами полян. На одну из них я и загнал паромобиль. К воде вела неширокая тропинка, заканчивавшаяся мостками из капитальных досок. Это была работа нанятых мною плотников, переделавших жердяное убожество, которое смастерили рыбаки. Тем самым я вроде как застолбил за собой это место для проведения пикников и рыбалок с друзьями.

Прихватив корзинки, мы покинули паромобиль. Прошли два десятка метров между нависавшими над тропинкой зарослями и вышли на мостки, заканчивающиеся широкой площадкой.

— Красота, — выдохнул я, осматривая водную гладь.

Ветра здесь почти не было, и лишь ближе к центру озера серебрилась частая рябь да редкие, очень пологие волны степенно подкатывали к мосткам. Они лениво поднимали распластавшиеся по воде кувшинки и сонно тыкались в берег. Несмотря на то что озеро пресное, вода просматривалась на глубину метров пяти.

И что самое главное — тишина, в смысле отсутствие лишнего шума. Лишь стрекот кузнечиков и пение птиц в зарослях орешника.

Пока я любовался озером, Глаша успела расстелить на дощатой площадке плед и разобрала лукошко с продуктами. Закончив с этим, она чинно расположилась на пледе и прикрылась от солнца кружевным зонтиком.

Не, так дело не пойдет.

— Переодевайся, — скомандовал я и сам начал раздеваться.

Надеюсь, с размером плавок она угадала. Этот заказ я сделал несостоявшейся портнихе еще весной — и тут же благополучно забыл о нем. Конечно, можно было бы устроить и дикий пляж, но почему-то душа хотела некоего нездешнего эстетизма.

Глаша беспомощно покосилась на тропинку, но, похоже, и сама поняла, что вид паромобилиа остановит случайных рыбаков.

Во время переодевания я специально отвернулся к озеру — больше для усиления контраста, чем для того, чтобы не смущать даму.

Вид зардевшейся Глаши оправдал все мои ожидания. Я словно вернулся в родной мир и оказался на городском пляже. Конечно, бикини еще нужно уметь носить, но все равно эффект был потрясающим. Я залюбовался девушкой не как сексуальным объектом, а как произведением искусства.

Увы, и тут солнце внесло свои коррективы. Глаша вынужденно выпала из образа топ-модели и вымученно прищурилась, закрывая лицо ладошкой.

Да уж, ее незагорелую кожу нужно побереечь. Впрочем, как и мою. На мостках с тенью плохо, так что после купания придется перенести пикник ближе к кустам. На берегу имелось неплохое место. Но это позже.

— За мной, — практически приказным тоном изрек я и рыбкой сиганул в воду.

Вошел практически идеально. Ну, или мне так показалось. Немного проплыв под водой, я вынырнул, приподняв головой лист кувшинки. Получилась эдакая шляпка, что вызвало смех Глаши. Сбросив модный нынче только у русалок головной убор, я уже кролем вернулся к мосткам.

— Почему стоим? Кого ждем? — спросил я у нерешительно замершей девушки.

— Я не умею плавать.

— Тут неглубоко, да и я рядом.

И все же дух авантюризма не был чужд Глаше, так что, пару секунд подумав, она солдатиком спрыгнула в воду.

Подхватив девушку, я помог ей всплыть и прижал к себе. Опять нахлынули ностальгические чувства. Когда-то в ранней юности я таким образом учил плавать свою первую любовь. Никакой похоти тогда в наших игрищах не было, лишь трепет и восторг.

Минут десять я честно пытался научить Глашу плавать, но мы больше дурачились, чем занимались обучением.

— Ладно, на этом закончим, — ощутив, что понемногу начинаю замерзать, сказал я и уже хотел посадить Глашу к специальной лесенке, и тут кто-то буквально выдернул девушку из моих рук.

С захлебнувшимся писком она ушла под воду, а я лишь успел схватить ее за руку. И тут меня тоже поволокло.

Да сколько же можно?! Дважды на одни и те же грабли! О всяких мутантах, точнее, их научно обоснованном отсутст-

вии, в этих водах я помнил, а вот о русалках забыл: им на условные границы места Силы плевать.

Не совсем уместные мысли пронеслись в голове испуганной стайкой, не давая принять хоть какое-то решение. Пальцы Глаши норовили выскользнуть из моей ладони, и все, что мне осталось делать, это запустить крылья Семаргла. Оружие осталось в машине, а тем, что было приведено в боевое состояние Глашей, нынче не напугаешь даже институтку.

Татуировки на предплечьях чуть нагрелись, и окружающий мир замедлился. Вода стала подобна киселю, и двигаться в ней было трудновато, но я сумел удобнее перехватить кисть Глаши и тут же понял, что все закончилось.

То, что волокно девушку вглубь озера, отпустило свою жертву и даже подтолкнуло ее в мои объятия. Я тут же резко направил Глашу вверх, из-за чего сам немного опустился ко дну и пораженно замер.

Так же, как тогда на болотах, передо мной замерла русалка в виде свободного духа. Очень надеюсь, что это не та же самая. Тогда мы расстались не совсем хорошо.

Как ни странно, во мне не было ни грамма паники. Мало того, даже показалось, что я слышу мысли этого существа. Сплетенная из воды помесь медузы и девушки заглядывала мне в лицо, пытаясь донести некую мысль. Она была рада меня видеть! И даже извинялась за причиненные неудобства.

Улыбнувшись, русалка медленно развернулась и плавно растворилась в чуть мутноватой речной воде. В следующее мгновение действие «крыльев» закончилось вместе с кислородом у меня в легких.

Я, бешено заработав руками и ногами, вынырнул из воды и судорожно вдохнул воздуха. И только после этого завертелся на месте, пытаясь понять, что случилось с Глашей.

Вот как нужно организовывать учебный процесс!

Русалка протащила нас метров тридцать. Не умевшая плавать девушка преодолела это расстояние со стремительностью торпеды, промахнувшись мимо мостков. Сейчас пару секунд она выбиралась на берег, продолжая пронзительно визжать. А затем Глаша с треском исчезла в прибрежных зарослях.

Кикимору мне в тещи!

Пришлось бросаться в погоню.

Глашу я смог догнать лишь потому, что она влетела в особо густой кустарник и запуталась там. Дальше была небольшая борцовская схватка, во время которой мне с переменным успехом пришлось утихомиривать впавшую в истерику девушку.

Да уж, справиться с той, кто и коня на скаку способен тормознуть и что-то там с горящей избой сделать, не самое простое дело. Наконец-то Глаша затихла и расплакалась. До машины я нес ее на руках. Правда, пришлось на минуту оставить девушку в одиночестве, чтобы забрать с мостков нашу одежду и плед.

Вот такое у нас получилось романтическое купание.

Укутав Глафиру в плед и влив в нее почти бутылку вина, я поднял верх кабриолета и погнал паромобиль к городу.

Стылая Топь вновь сыграла со мной злую шутку. Я доверился словам опытных людей, нарисовав в своей голове фальшивую картину мира. Да, на Жемчужных озерах не водятся измененные магией существа, потому что они привязаны к месту Силы, но лешие, кикиморы, русалки и прочая дикая нечисть обитает даже в подмосковных лесах. Просто, в отличие от домовых, они стараются держаться от людей подальше. И об этом мне стоило помнить, когда, потакая своему романтическому порыву, решил уединиться с девушкой вдали от людских глаз.

Как ни странно, это происшествие ослабило мой страх перед Топью. Возможно, потому что это как-то размыло границы безопасности. Раньше я подсознательно проводил некую черту опасных земель и, лишь переходя ее, начинал волноваться. Именно поэтому, опять же подсознательно, считал земли за пределами Стылой Топи безопасными. Теперь же ощущение мнимой защищенности исчезло, но вместе с тем ослабла и фобия. Так что мысль о посещении Топи уже не вызвала внутреннего содрогания. К тому же я получил дополнительную информацию.

Теперь, после относительно спокойного анализа, поведение русалки уже не вызвало во мне недоумения. Вспомнились слова волхва, даровавшего мне крылья Семаргла, которого он еще называл Переплутом — покровителем русалок. Рассказанное язычником противоречило официальной вер-

сии устройства мира, и я все чаще убеждался в правдивости слов старого волхва.

Похоже, местные светила энергетической науки, даже занимаясь прикладной магией, усиленно отгораживались от мистической стороны бытия, так же как это делали ученые моего родного мира.

Чтобы не поднимать переполоха ни в городской больнице, ни в борделе, тем самым давая повод для ненужных пересудов, я отвез девушку к себе домой, а уже оттуда позвонил доктору.

Ян Нигульсович оперативно прибыл к нам и с ходу едва не обвинил меня в куче страшных грехов. Убеждать его в том, что никакого изнасилования с избиением не было, мне пришлось на пару с Глашей. Это хоть немного отвлекло девушку от тягостных воспоминаний.

Лечебный артефакт в руках доктора буквально творил чудеса, и через пять минут от царапин не осталось и следа.

Даже как-то обидно стало. Когда доктор лечил меня после очередной передряги, он всегда заживлял раны лишь частично, в остальном приходилось терпеть боль и неудобство. Я, конечно, понимал, что это делалось не из вредности, а для сбережения ресурсов моего организма, но все равно неприятно.

Наконец-то Ян Нигульсович уехал обратно в больницу, получив сто рублей за срочный вызов и дорожную амортизацию артефакта, а Глаша сумела вернуть себе привычный вид, благо снятая в преддверии купания одежда не пострадала. Но все равно ее состояние было далеким от нормального. Так что по возвращении в «Русалку» мне пришлось утешать девушку всеми доступными и относительно приличными способами.

Кстати, когда мы подъезжали к заведению, Глаша как-то недобро покосилась на новенькую вывеску с соблазнительно изогнувшейся русалкой. Обитательница морских глубин выглядела так, как ее рисовали в своем нездоровом воображении моряки, и совершенно не походила на то, что мне пришлось наблюдать в озере. Но все равно боюсь, что скоро бордель может поменять свое название.

К вечеру страсти улеглись, и Глаша даже позволила мне то, от чего отбрыкивалась все время нашего знакомства. Нет, это

не какие-то особые извращения, а простой совместный выход в люди.

Проникшись теплыми чувствами ко мне, девушка самолично взяла на себя обязательства защищать мою репутацию. Так что афишировать нашу нежную дружбу она категорически не желала. Но сегодня шок проделал брешь в ее нравственной броне, и Глаша согласилась.

Через полчаса сборов передо мной стояла не разбитная представительница древнейшей профессии, а барышня в дорогом, но скромном платье, которое подошло бы любой девушке из приличной семьи.

— Хороша! — оценил я вид подруги и галантно предложил ей свою руку в качестве опоры.

Если честно, на фоне Глаши я смотрелся скромненько в своем непрезентабельном наряде, но благодаря усилиям служанки одежда была чистой, к тому же ехать домой для переодевания мне было откровенно лень.

Сегодня воскресенье, и народ в Топинске отдыхал от трудов праведных, да и неправедных тоже. А отдыхать топинцы любили и умели. Даже в обычные выходные устраивались гулянья, а на праздники так вообще проводилось нечто похожее на карнавал. До бала во дворце Куртя-Веке, конечно, далеко, но все равно весело и по-местечковому уютно.

Обычно подобные мероприятия проходили на Рыночной площади. Примыкающий к площади рынок под вечер немного затих, за исключением рядов с точками распространения фастфуда.

Раскрасневшееся за жаркий день светило сонно закатывалось за горизонт, подкрашивая алым россыпь редких облаков на пронзительно-голубом небе. Было уже не так жарко, поэтому пешая прогулка только в радость. Топинцы, также привлеченные вечерней прохладой, начали выбираться из своих убежищ, и веселье на площади набирало силу. Ближе к рынку уже вертелись высокие башенки каруселей. Два балагана со скоморохами и кукольная будка соревновались за внимание публики, особенно ее малолетней части.

Толпа гудела как встревоженный улей, хаотическими водоворотами перемещаясь по площади. В основном здесь собралась публика попроще, правда, по случаю праздника нарядно оделись почти все. В Топинске вообще мало бедняков.

Город быстро рос, и работы хватало всем. А тунеядцы не приживались. Но не только низшие и средние слои общества были представлены на гулянье — хватало и изысканно одетых прохожих. И все же обстановка была предельно далека от чопорности балов в городской ратуше и великосветских представительских мероприятий под открытым небом, так что Глаша окончательно успокоилась. Она ухватила меня за руку и потащила к карусели.

Строгая смотрительница борделя вмиг превратилась в восторженного ребенка, пытающегося объять необъятное. Навизжавшись на цепной карусели, она затребовала посещения обоих балаганов и сразу после этого направилась к качелям. Мне же пришлось ходить за нею хвостиком, но тут уж никуда не денешься — нужно отдуваться за косяк с озером и русалкой.

С обеда в моем желудке не было ни крошки, так что я чуть придержал этот ураган в юбке, чтобы купить у лотошников пару пирожков. Увы, намек девушкой понят не был, и она, отказавшись от угощения, потащила меня к следующему аттракциону.

Какое милое название «качели». В моей памяти с ним связаны игровые площадки во дворах многоэтажек. Но тут народ к этому делу подошел с размахом, превращая детскую забаву в развлечение для экстремалов. Длинная, метров пять, доска и десятиметровые цепи, закрепленные на высоченных столбах. На каждую сторону доски становились от двух до четырех участников забавы. Затем они и сочувствующие энтузиасты начинали раскачивать всю эту конструкцию. До «солнышка» мы, конечно, не дошли, но взопрел я изрядно, пытаясь одновременно удержаться за цепь и не выронить прихваченную за талию Глашу. А вот моя напарница была счастлива до предела, причем без малейших следов страха. У меня же, если честно, после этого раскачивания немного подгибались ноги.

Только тут до неугомонной Глаши дошли мои намеки насчет кормежки, и она демонстративно затребовала мороженого. Хвала моему молодому организму — даже экстремальные развлечения никак не сказались на аппетите.

Ближайшим местом, где можно полакомиться мороженым, был расположившийся на этой же площади трактир «Ухарь-купец». Туда мы и направилась.

Мне еще не доводилось посещать сие заведение. Делая выводы из названия, я, честно говоря, ожидал увидеть эдакий загульный кабаk, но на удивление там оказалось довольно пристойно. По уровню заведение чуточку не дотягивало до моего любимого «Старого охотника», но никаких забулдыг в трактирном зале не наблюдалось. В основном отдыхали неплохо одетые мужчины, но также мы увидели и парочку женщин явно торговой профессии.

Нас встретили спокойно и даже дружелюбно. Многие приветственно кивали мне, а некоторые выказывали уважение Глаше. Наверняка клиенты «Русалки». Причем никакого пренебрежения в отношении к девушке заметно не было. Не факт, что они отнеслись бы столь доброжелательно к обычной жрице любви, но все же...

Едва мы уселись за накрытый белоснежной скатертью столик, как возле нас тут же материализовался половой.

— Чего изволите? — поинтересовался он, обращаясь ко мне.

— Мне поесть мясного и горячего. Сто граммов беленькой и солений к ней, — начал я заказывать в соответствии с местными правилами приличия. Домострой в этом обществе давно канул в Лету, но и до равноправия полов еще очень далеко. — Даме мороженого.

— И фруктовый салат, — довольно смело вставила Глаша, но половой даже бровью не повел.

— И фруктовый салат, — повторил я, после чего половой дематериализовался.

Всегда поражался выучке местной прислуги и тому, с каким достоинством они себя ведут. Причем все — от лакеев в дворянских усадьбах до половых в трактирах.

Не прошло и пяти минут, как все заказанное оказалось на столе. Перехваченные на площади пирожки мне были на один зуб, так что насыщался я с жадностью оголодавшего зимой волка. Глаша в это время степенно поела салат и с умилением смотрела на меня. Так на своих мужей-добытчиков смотрят их жены — хранительницы очага.

Увы, эта песня не про нас. И дело совсем не в Глашиной профессии, а в моей. Я уже давно выбрал свой путь в этом мире, и не будет на нем ни жены, ни детей.

Даже этот выход в свет со смотрительницей борделя имел двойное дно. В последнее время топинские мамашки девиц на выданье, неведомыми мне способами взвесив мой капитал и мою значимость в обществе, открыли настоящую охоту. Причем если раньше меня возмущали способы, к которым прибегала бедная Лиза, то сейчас ее интриги казались наивными девичьими затеями. Львицы светского общества Топинска работали намного жестче. Я даже не был уверен, что афиширование отношений с блудницей хоть как-то притормозит их на тропе матримониальной войны. Через месяц состоится летний бал в ратуше, и ходить по бальному паркету придется как по минному полю.

Народные пословицы возникают не на пустом месте, и, едва мы вышли из трактира, я осознал, что поминать Лизу даже мысленно было слишком опрометчиво.

По тротуару, кольцом охватывавшему Рыночную площадь, двигалась очень знакомая мне парочка. Бедный Леха задержался, не зная, что делать. Будь его воля, он вообще утащил бы свою даму в сторону, но Лиза решительно пресекала панические порывы своего жениха.

Да, именно жениха. Новость об их помолвке меня откровенно порадовала. Леха наконец-то заполучит то, о чем мечтал весь последний год. И если отбросить некие чудачества, Лиза будет ему неплохой женой. Судя по всему, она как-то смогла пережить последствия изнасилования в избушке шатуна либо с помощью алиениста, либо своими силами. Внешне девушка стала строже и даже спокойнее. Но пока я не стану этому радоваться — в голове Лизы сейчас может твориться все что угодно, вплоть до тиканья таймера отложенного сумасшествия.

— Елизавета Викторовна, Алексей Карлович, — учтиво поклонился я, чуть приподняв свою шляпу.

— Игнат Дормидонтович, — с достоинством ответила Лиза и, холодно улыбнувшись, добавила: — Вы не представите нам свою спутницу?

Леха лишь вымученно улыбнулся.

Ох, деточка. Мы ведь уже играли в эти игры, и ты всегда проигрывала.

— С удовольствием, — без запинки отреагировал я. — Глафира Тимофеевна Рябинина. Предприниматель и мой деловой партнер.

На удивление обе дамы отреагировали на мой пассаж вполне достойно. Лиза, которая явно знала, кто именно стоит перед ней, приветственно наклонила голову, удержавшись от презрительной гримасы. А Глаша сделала изящный книксен без вызова и агрессии, явно показывая понимание сословной разницы между ними.

Хуже всего в этой ситуации, как обычно, выглядел Леха.

Терпи, казак, у тебя впереди еще множество подобных неудобств с такой-то женошкой.

Впрочем, обучался мой друг быстро, и я уверен, что через пару лет он либо принаровится и научится отмораживаться, либо все-таки обуздает норы супруги. Вот и сейчас Леха быстро пришел в себя, или же некие посторонние мысли настолько одолевали его, что никак не хотели уходить на второй план.

Чуйка заворочалась под моей черепушкой, намекая на грядущие неприятности.

— Алексей Карлович, вы явно чем-то обеспокоены, — решил я сразу прояснить ситуацию, потому что дамы, обменявшись ментальными уколами, приготовились к разрыву дистанции.

Если разойдемся, я не увижу Леху как минимум до завтра.

— Да, у нас в управе сущий переполох, но мне не хотелось бы портить нашим дамам приятный вечер.

— Елизавета Викторовна, Глафира Тимофеевна, вы позволите нам отойти? Порой служба не терпит отлагательств.

— Конечно, — милостиво разрешила Лиза.

Глаша благоразумно промолчала.

Подхватив под локоть опять испугавшегося Леху, я потащил его в сторону.

— А они... — напряженно зашептал мой друг, когда мы отошли метров на десять.

— Не беспокойся. Все, что хотели, барышни уже высказали, — пояснил я.

Впрочем, за нашими дамами действительно было интересно наблюдать. Они оценивающе рассматривали друг друга. Соперничества не было, лишь его тень. Одна уже успокои-

лась и плюнула на некий сомнительный приз, а вторая изначально ни на что не претендовала.

Ну и слава богу. Моя самооценка точно не нуждалась в зрелище дерущихся из-за меня женщин.

— Но они же не сказали ни слова? — оторвал меня от созерцания прелестной картины Леха.

Я даже не сразу сообразил, о чем он говорит:

— Поверь, женщинам не всегда нужны слова, а вот мы с тобой без этого не обойдемся. Так что начинай говорить. Что там у вас стряслось?

— Я всего не знаю. Вчера с утра в управу явился чиновник по особым поручениям при втором товарище министра внутренних дел. Меня выгнали из кабинета. А через час Дмитрий Иванович ушел из управы. С вещами!

Леша едва не сорвался на крик. И было отчего. Новость не просто важная, а шокирующая. Дмитрия Ивановича отставили от службы!

Попытки вытянуть из друга что-то еще ничего не принесли. Похоже, придется добывать информацию в другом месте.

— Я прямо сейчас поеду к нему.

— Не стоит, — пресек мой порыв Леха. — Я уже пытался. Он сейчас пьян до изумления. Второй день не просыхает. Не думаю, что тебе стоит видеть его в подобном состоянии.

— Хорошо. Поеду завтра с утра пораньше. Но ты все равно постарайся разузнать хоть что-то еще. — Увидев утвердительный кивок друга, я добавил: — А теперь возвращаемся к нашим дамам, а то они попортят друг дружке платья своими пламенными взглядами.

— Да уж, не стоило тебе знакомить Лизоньку с...

— Леша, следи за языком, — оборвал я друга, который, как обычно, в понимании поведения женщин попал пальцем в небо.

Но развеивать его заблуждений я не стану — проблем в нашей компании и без того хватает.

— Прости, — покраснел Леха. — Это я от неожиданности.

Я лишь примирительно кивнул и направился к замершим на тротуаре девушкам. Они стояли на предельно допустимом расстоянии друг от друга — вроде и рядом, но и как бы не в одной компании.

В итоге дамы разошлись в разные стороны как два парусных фрегата, не нашедших повода не то что для выстрела, а даже для открытия пушечных портов.

День закончился бы для меня прекрасно, не роись в голове мрачные мысли. Мое настроение было замечено Глашей, и она блеснула интуицией, погасив игривость и просто прижавшись ко мне как ласково урчащий котенок.

— Ты сегодня была просто великолепна, — похвалил я девушку, и она прекрасно поняла, за что именно.

— Я очень старалась, — прошептала она мне в ухо и куснула за мочку.

Действительно старалась, и я видел, каких усилий это ей стоило. Мои уроки не прошли даром, да и хватка у нее крепкая, что неудивительно с такой-то судьбой.

Умиротворенная нежность Глаши наконец-то передалась мне, и мы мирно уснули.

ГЛАВА 2

Проснувшись, я не стал задерживаться в «Русалке» и сразу отправился домой. Там все пошло практически по уставу — тренировка с Чижом и дополнительные упражнения с гириями для меня лично. Давно думаю о создании тренажеров, но все руки не доходят. Занимались во дворике между черным выходом из нашей каланчи и свежесрубленной баней. Большое деревянное ведро у входа в баню было перевернуто вверх дном. Это значит, что Мыколы там нет — наш вампир отправился в рейд по Стылой Топи для подзарядки энергетически насыщенной кровью тамошнего зверья.

Человеческая кровь ему тоже нужна, но эту проблему мы решили уже давно. Глаша вывела меня на бывшую коллегу, когда-то скатившуюся в запой и потерявшую, так сказать, товарный вид. Предшественница Глафиры Тимофеевны без особой жалости выгнала некогда популярную жрицу любви, и та вынуждена была подрабатывать прачкой, что еще больше сказывалось на ее внешности.

Все изменилось с момента моего посещения перекошенной избушки на окраине Портового конца. После того как мы договорились, Софья переехала ближе к центру и в букваль-

ном смысле преобразилась. Статная тридцатилетняя смуглянка вернула себе былую красоту и не только занималась добровольным донорством, но и принимала у себя богатых клиентов. Ходили слухи, что недалеко и до свадьбы с купцом второй гильдии, потерявшим голову от ее красоты.

Если это так, то придется искать нового донора, потому что на старом близкое общение со стригоем сказалось слишком уж положительно. В принципе найти еще одну бедствующую даму не проблема, но будет ли она настолько же адекватна, как Софья?

Сбросив на траву пудовую гирию, я потянулся до хруста и с удовольствием вдохнул утренний, напоенный шикарными ароматами воздух.

Так, теперь в душ — и собираться на встречу с Дмитрием Ивановичем, которая, чувствует мое сердце, ничего хорошего не принесет.

Уже позаботившийся о себе Чиж притащил выглаженную одежду. Посмотрев в зеркало, я остался доволен своим видом и направился в столовую, где нас всех ждал завтрак от шеф-повара бабы Марфы. Как всегда, угощение было выше всяческих похвал.

Оставив указания домочадцам, я загрузился в паромобиль и бодро покатыл по улицам Топинска.

Титулярный советник Дмитрий Иванович Бренников — уже бывший старший следователь топинской полицейской управы — обитал в съемном флигеле на Еловой улице Бондарского конца. Здесь обычно селились мастера-частники и чиновники среднего уровня. Район по престижности находился как минимум на две ступени выше моего любимого Болотного околотка. Дома вокруг выглядели основательно. Их явно строили настоящие мастера для себя или близких людей.

Никого выкрикивать не пришлось. Евдокия Лукьяновна вышла к калитке, едва услышала пыхтение выпускавшего лишний пар мобиля. Мы с этой невысокой, сухонькой, но очень подвижной старушкой знакомы лишь шапочно, что не помешало ей тут же начать изливать мне душу.

Пожалуй, она до сих пор не знала, что я уже давно не служу в полицейской управе.

— Игнат Дормидонтович, что же там у вас такое деется?! Неужто кто-то посмел усомниться в честности Дмитрия Ивановича? Да он же верой и правдой столько лет супостата всякого изничтожал, а тут... — Старушка горестно вздохнула. — Мается ведь, сердешный.

За минуту, пока мы медленно пересекали обширное подворье, старушка выдала мне весь расклад — что именно и в каких объемах пил уже бывший старший следователь управы, кого и какими словами ругал. Причем цитаты приведены без купюр. Евдокия Лукьяновна с покойным мужем были пионерами Топинска и в жизни видели многое. Так что старушка излишней стеснительностью не страдала, да и оскорблена она была в лучших чувствах.

То, что я увидел во флигеле, меня одновременно огорчило и порадовало. Порадовало то, что Бренников просто напился, причем сделал это дома, а не в кабаке на потеху зевакам. И, что самое главное, он в расстройстве душевном не отправился в салон фрау Брюгге, дабы потрафить своей игромании.

И все же грустно видеть глубокоуважаемого тобою человека в подобном состоянии. В спальне Дмитрия Ивановича царил настоящий разгром. Вчера он явно вспылил и выместил свою злость на ни в чем не повинной мебели. Атмосфера смешанного с перегаром табачного дыма и потеки вина из разбитых о стену бутылок усугубляли картину.

Ситуация вызвала у меня горькую улыбку. Все в мире повторяется. Когда я только появился в этой реальности, Дмитрий Иванович точно так же вынужден был приводить в чувства молоденького видока, запившего по причине профессионального посттравматического расстройства. Конечно, я к столь негуманным методам прибегать не стану, к тому же рядом нет порывистого и грубоватого оборотня с ведром воды в руках.

Зато есть бутылка с пивом, которую я прихватил в трактире по пути сюда. Конечно, лечить подобное подобным — это прямой путь к длительному запою. Особенно это касается человека, который только что потерял любимую работу, а возможно, и смысл дальнейшего существования, но в довесок к бутылке пива у меня было еще и предложение, от которого сыщик вряд ли сможет отказаться.

— Давно он угомонился? — тихо спросил я хозяйку дома.

— Как к полуночи умаялся буяннить, так и затих, — с видом заговорщицы прошептала старушка.

Сейчас почти одиннадцать часов, так что выспался он не плохо.

— Дмитрий Иванович, не уделите мне минуту вашего времени? — громко сказал я и, подхватив со стола на удивление целый стакан, как тамада на свадьбе, постучал по нему вилок.

— Пшел вон, мерзавец! — сонно отмахнулся Бренников от раздражающего шума.

Но я продолжал звенеть, пока он не оторвал голову от подушки и с туповатым удивлением не посмотрел на меня. Керамическая бутылка с пивом была тут же демонстративно вскрыта, и пенный, благоухающий напиток полился в стакан.

— Дмитрий Иванович, у вас пять минут, дабы привести себя в благопристойный вид. Жду вас в беседке. Нам нужно серьезно поговорить.

Старушка молниеносно организовала поздний завтрак под навесом с длинным столом, от широты душевной названным мною беседкой. Так что Бренникова я встречал, с удовольствием прихлебывая из чашки крепко заваренный чай. Еще одна чашка дожидалась помятого, но явно приободrivшегося следователя.

— Если честно, Игнат Дормидонтович, сейчас у меня нет ни малейшего желания вести пространные беседы и тем более выслушивать нравоучения от человека вдвое моложе себя, который к тому же сам побывал в запое.

— Вот уж чего я не собираюсь делать, так это поучать вас жизни. У меня только один вопрос. Что на вас, черт возьми, нашло?!

Было видно, что у Дмитрия Ивановича имеется огромное желание послать меня далеко и надолго, но он сдержался. Возможно, потому что сейчас здесь присутствуют хоть и матерый, но безработный полицейский, а также видок — пусть слишком молодой, зато с очень серьезной крышей в виде генерал-губернатора. Да и другие нюансы наших отношений, включая финансовые, вносили серьезные коррективы в его поведение.

— А что мне еще делать, Игнат? — со вздохом сказал мой бывший начальник и наставник, буквально рухнув на скамью с другой стороны стола. — Сбережений нет, а с теми документами, что ушли в главное управление, служить мне не дадут даже околоточным.

Я не особо понимал, о чем он говорит, и сначала хотел прояснить ситуацию с пришлым порученцем, но раз уж разговор зашел в эту сторону, начнем с конца.

— Предлагаю послужить в моем отделе, если вам, конечно, не претит ходить под началом, как вы выразились, юнца вдвое моложе вас.

— Какой отдел, Игнат? — отпив из кружки и поморщившись, отмахнулся Бренников. — Ваши потуги поиграть в сыщика и попытки взять под контроль шатунов даже не смешны. И дело совсем не в возрасте.

— Дело именно в возрасте, — заявил я, немного покривив душой для пользы дела. — Вы совершенно правы, мои потуги смешны, так как в сыском деле я дилетант. Поэтому предлагаю впрячься в этот воз профессионалу.

— Вы серьезно? — опять перейдя на официальный тон, все еще с недоверием переспросил Бренников.

— Да, у меня есть полномочия от генерал-губернатора на развертывание отдела с тремя штатными сотрудниками и доступ к фондам на содержание десятка тайных агентов. Но, как вы сами подметили, у меня для этого оказалось слишком мало умения и, пожалуй, фантазии тоже. Так что я делал все спустя рукава, с трудом перекупив парочку не очень-то надежных соглядатаев. А вот у вас наверняка получился намного лучше.

Похоже, мои откровения не особо впечатлили бывшего следователя:

— А вы не преувеличиваете эти самые полномочия?

Не верит. Ладно, попробуем зайти с другой стороны.

— Дмитрий Иванович, как вы думаете, на какую сумму я сжег опиумной пылицы за прошлый год?

— Извините, но сейчас у меня проблемы с арифметикой, — иронично и с фальшивым раскаянием развел руками следователь.

— По самым скромным оценкам, сорок тысяч в омских ценах и двести тысяч в московских.

— Что?! — Бренников от удивления фыркнул чаем, едва не забрызгав меня.

Да уж, эффектно получилось.

С момента, когда я вышел из-под его начальственной тени, следователь обращал на меня внимание лишь изредка, за исключением совместной ловли убийц. Но на этом все — слишком уж высока была его загруженность следственными делами, к тому же сыщик не считал мою возню серьезной.

— Двести тысяч? — откашлявшись, переспросил Бренников. — И вы до сих пор живы?

— Нельзя сказать, что они не старались, — пожал я плечами. — К тому же покушения на меня не очень-то связаны с торговцами дурью.

А вот теперь Дмитрий Иванович задумался уже всерьез. Похоже, перед ним во всей красе раскрылась игнорируемая прежде изнанка привычной реальности. Точно так же чувствовал себя генерал-губернатор, которому я закатил целую лекцию об угрозе распространения наркомании, причем подкрепленную письмами от самых видных медиков Омска, а затем и столичных светил.

Как и в моем мире аналогичного исторического периода, в Империи к наркомании относились как к некоей блажи гламурной молодежи. Да что уж там говорить, если в больницах до сих пор использовали опиум направо и налево, а героин вообще считался лекарством от кашля.

Если стратегически мыслящего князя Шуйского впечатлили мрачные перспективы для следующего поколения, то на Бренникова подействовали суммы, вращавшиеся в топинском наркобизнесе. На передвижение товара из Топи в Омск он, конечно, не мог не обращать внимания, но все же его больше занимала простая городская уголовка — прямая ответственность старшего уездного следователя.

Размышления Бренникова затянулись минут на пять. Я даже успел допить свой чай с баранками.

Дмитрий Иванович так резко вскочил, что заставил меня вздрогнуть.

— Когда приступать? — по-военному выпрямившись, отчеканил он.

— Да прямо сейчас и приступайте, — поднялся и я, дабы поддержать официоз момента, затем полез в карман пиджака.

Пухлый конверт лег на стол между нами.

— Здесь пятьсот рублей подъемных и триста на первичные служебные расходы. Найдите в городе место для резиденции. Подойдет небольшой дом, но без хозяев поблизости. Незачем им знать слишком много. Чуть позже я договорюсь о проводке туда телефонной линии. Подберите двух подчиненных на ваше усмотрение. С агентурой тоже работать вам.

— Будет сделано, — опять отчеканил следователь и тут же сбился на сомнения: — Игнат Дормидонтович, вы уверены, что генерал-губернатор поддержит мое назначение? Уж больно серьезные силы задействованы в этой интриге.

— С князем я договорюсь. А вот об интриге хотелось бы узнать подробнее, — сделав приглашающий жест, вновь уселся я на лавку. — Рассказывайте.

Вот теперь передо мной сидел уже знакомый волкодав с железной хваткой. Быстро, четко, емко и без сантиментов он обрисовал сложившуюся ситуацию.

Кажется, в Топинске грядет передел власти, и первой жертвой перемен стал именно Бренников. Все началось с появления в полицейской управе упомянутого Лехой чиновника по особым поручениям из Министерства внутренних дел.

С давних времен любимым развлечением высших чиновников и в моем родном мире, и в этом является передел зон влияния. Стоит отметить, что наш город был основан по приказу Императора, и до поры до времени загнувшие ручки имперской элиты к нему не тянулись. Но все течет, все меняется. Вот и к нам явился «передельщик». Сначала он зашел на огонек к нашему Аполлону.

Все в управе с предвкушением ждали зрелища намыливания холки залетного чиновника. Увы, из кабинета полицмейстера он вышел вполне довольный собой и сразу направился в следственный отдел. Лешу нагло выперли за дверь, и коллежский ассессор Матюхин Сергей Юрьевич начал прессовать Бренникова. Причем делал это грамотно и вдумчиво. Перед следователем были выложены компрометирующие бумаги. Не то чтобы очень серьезные, но подписанных свидетелями показаний о постоянных долгах игромана и мелких нарушениях, связанных с незначительными подношениями, вполне хватало для выдворения с полицейской службы, причем с позором. На даже самое завалыщее уголовное дело обвинения не

тянули, но Дмитрию Ивановичу от этого не легче. Еще хуже стало после того, как Матюхин намекнул, что его интересует отнюдь не следователь-игроман, а топинский судья.

Заезжий решала где-то откопал сведения о прошлогоднем происшествии в доме судьи и вполне резонно предположил, что там все не так просто, как кажется. Матюхин поставил Бренникова перед простым выбором — либо Дмитрий Иванович начинает официально копать под судью, либо вылетает со службы.

Задача о том, что именно выбрал мой наставник, была из разряда элементарных. Сначала он послал чужака, а затем и полицмейстера, который попросту открестился от подчиненного.

Честно, не ожидал я подобного от нашего Аполлона. Или уже не нашего?

Крышу у Дмитрия Ивановича после такой подставы от начальства сорвало напрочь. Повторение сказанных полицмейстеру слов смутило даже меня.

С другой стороны, поделом Аполлону — за своих людей нужно стоять горой, иначе грош тебе цена как лидеру. Уверен, что с князем такой финт не прошел, и это объясняет, почему чужак начал не с меня, а с Бренникова. Ведь наверняка раскопал достаточно для понимания того, что мои уши торчат из дела об убийстве горничной, как у кролика из шляпы фокусника.

Ладно, с предисловием разобрались, теперь попробуем как-то вычислить свое место в этом пасьянсе. Что у нас вырисовывается в стратегическом плане?

Реальная власть в Топинске сосредоточена в руках трех человек — главы городского собрания, полицмейстера и судьи. Даже начальник жандармского отделения и сменный директор энергетического завода в городские дела не лезли и курировали лишь режимное предприятие, вынесенное далеко за пределы Топинска. Сместить главу городского собрания можно только через полгода на выборах. Полицмейстер явно занял выжидательную позицию, что в принципе неплохо. Остается судья. Если скovyрнуть Бабича, старая власть рассыплется как карточный домик.

А нужно ли мне вообще влезать в эту свару? Скорее всего, придется. И дело даже не в том, что мы с судьей повязаны бук-

вально кровью, просто нынешняя расстановка сил в городе меня полностью устраивает. Мало того, я потратил уйму сил на создание статус-кво, а новички могут принести с собой только хаос.

— Игнат, — оторвал меня Бренников от тягостных мыслей.

— Да? — восторженно спросил я и заметил, что мой новый подчиненный уже окончательно пришел в себя и явно тяготеет моим присутствием, точнее, тем, что мне приходится видеть его в неподобающем состоянии. — До завтра можете отдыхать. Я сегодня поговорю с судьей, а с утренним поездом отправлюсь в Омск. Скорее всего, увидимся только послезавтра.

— Думаю, к этому времени у меня найдется чем вас порадовать, — кивнул Дмитрий Иванович.

На этом, пожав друг другу руки, мы расстались. Бренников отправился приводить себя в порядок и перенастраивать мозг на новый лад, а я вернулся домой.

Дом, как обычно, порадовал внутренней энергией — Корней Васильевич звенел своими железками в мастерской, а Кузьмич гроыхал чем-то на чердаке: видно, опять проводил ревизию старого хлама. Леонард Силыч, которому суета домашнего мешала спать, временами добавлял в деловую симфонию свой возмущенный вокал.

Чиж опять куда-то убежал — у него сейчас как раз переходный период, так что я не особо зверствовал в плане дисциплины и контроля, лишь подстраховывал в сложных житейских передрыгах. К примеру, когда мой воспитанник влез в драку из-за соседской девчонки. Рыцарский порыв я одобрил, но стоило ему заикнуться о том, что сей поступок как-то повлияет на благосклонность юной барышни, пришлось одергивать паренька и напоминать простейший постулат: добро нужно творить ради добра, а не за награду. Так меня учил отец, и эту мысль я считаю верной. Если совершаешь хорошие поступки и ждешь благодарности, значит, это уже не благородство, а услуга. К тому же девчонки, особенно в столь взъерошенном возрасте, выбирая парней, руководствуются не их благородством, а исключительно скоростью мельтешения тараканов у себя в голове.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая	8
Часть вторая	164
<i>Эпилог</i>	276